

устанавливали способы размножения и распространения документов. Так, предложенное В.В. Куйбышевым постановление Секретариата ЦК от 7 декабря 1922 г. определяло порядок утверждения и опубликования циркуляров ЦК. Циркулярные документы ЦК сначала должны были проходить обсуждение на специально созданной циркулярной комиссии, а лишь затем представляться на Оргбюро ЦК¹⁰.

Особое внимание ЦК также уделял работе с секретными документами на местах. В конце 1925 г. Секретным отделом ЦК был определен порядок пользования секретными документами губкомов РКП(б)¹¹. Лица, имеющие доступ и получающие секретные материалы губкомов, несли личную ответственность за их распространение и использование, если на это не было специального разрешения губкома. Таким образом, ответственность за разглашение секретных сведений нес не только партийный комитет в целом, но и – персонально – конкретный обладатель секретной информации.

В 1923 г. Управление делами ЦК поставило вопрос о хранении секретных документов в отделах ЦК. Была проведена работа по защите информации внутри собственного аппарата. Политбюро вынесло вопрос защиты информации на Пленум ЦК. В итоге 19 августа 1924 г. Пленум ЦК утвердил «Правила обращения с конспиративными документами» ЦК РКП(б)¹².

В связи с усилением международной напряженности и внутриполитической обстановки в стране в 1926–1927 гг. в аппарате ЦК были усилены меры по охране помещений и входа в Секретный отдел ЦК. Из работников аппарата ЦК в отдел могли войти только сотрудники Секретного отдела, да и то не во все структурные подразделения. Во все помещения Секретного отдела имели право входа только заведующий и заместители заведующего Секретным отделом, секретарь отдела, помощники Секретаря ЦК, заведующий шифрбюро, секретари техсекретариата и Политбюро¹³.

В апреле 1927 г. Сталин инициировал вопрос о выработке самых радикальных мер по обеспечению максимальной конспиративности в работе и пользовании секретными материалами ЦК. На основе обмена мнений в Политбюро 7 апреля 1927 г. в срочном порядке была создана комиссия по подготовке проекта постановления по пользованию секретными материалами¹⁴. Итогом ее работы стало постановление Политбюро «О пользовании секретными материалами»¹⁵.

В 1927 г. был изменен порядок рассмотрения вопросов на заседаниях высших органов партии в плане большего засекречивания информации. Выполняя постановление Политбюро, все вопросы НКВД, ИККИ, военного ведомства и ОГПУ, проходившие через ЦК, слушались теперь, как правило, на закрытых заседаниях Политбюро. Оргбюро поручалось макси-

«ОСОБАЯ ПАПКА»: ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕКРЕТНОСТИ В ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ (1918–1920-е гг.)

Острейшая борьба большевиков за удержание власти в России и строительство советской государственности в условиях ожесточенной Гражданской войны сделали задачу обеспечения секретности работы партийных учреждений одной из важнейших. Высшее руководство большевиков не раз обращало внимание на соблюдение режима секретности в партийном аппарате в связи со случаями утечки политической, военной, экономической и прочей информации за пределы ЦК. Вопросы разглашения секретных сведений были предметом обсуждений на заседаниях высших органов партии. Так, на заседании Политбюро 8 ноября 1919 г., на котором присутствовали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, рассматривалось заявление Сталина о том, что некоторые сведения о заседаниях ЦК, «хотя и в очень извращенном виде, доходили каким-то путем до врагов». Такая постановка вопроса была своевременной: на территории «Совдепии» действовало множество агентов разведывательных органов антибольшевистских правительств и белых армий. Один из них, А.А. Борман, работал в Москве, передавая ценные сведения командованию Добровольческой армии. Пользуясь старыми связями среди «спецов», он устроился на работу в центральный аппарат Наркомторгпрома. По долгу службы ему приходилось принимать участие даже в проводимых Лениным заседаниях Совнаркома в Кремле¹. Кроме того, активно действовали многочисленные подпольные антибольшевистские организации. Например, «Азбука», организованная В.В. Шульгиным, имела в 1918–1919 гг. 26 политических центров и разветвленную сеть осведомителей. Ее Киевский центр, «придерживаясь строгой конспирации, занимался разведывательной деятельностью», а его агенты «занимали ответственные посты в различных советских административных и военных учреждениях, имели доступ к строго секретным документам и умело саботировали политику советской власти»².

Противодействуя утечке информации, ЦК принимал меры организационного характера. 8 ноября 1918 г. Политбюро постановило:

«а) Поручить т. Крестинскому и Стасовой обследовать порядок размножения, хранения в Секретариате ЦК и рассылки членами ЦК протоколов заседаний, особенно Политбюро, и ввести такой порядок, чтобы с протоколами было знакомо минимальное количество товарищей. Поручить тов. Крес-

тинскому сделать в следующем заседании Политбюро доклад о принятых мерах.

б) Предложить всем членам ЦК осторожно хранить получаемые ими протоколы.

в) Излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче.

г) Решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а товарищу Крестинскому отмечать их себе для памяти и личного исполнения»³.

Как видно, в данном случае были приняты меры превентивного характера по ограничению числа пользователей и сокращению сведений, содержащих в протоколах.

К расследованию фактов утечки информации привлекалась ВЧК, затем ГПУ. Так, 29 марта 1921 г. на Политбюро слушалось заявление А.М. Лежавы о разглашении секретных сведений. В связи с этим было принято решение: «Сообщение т. Лежавы принять к сведению, предложив ему передать весь материал с устными добавлениями т. Дзержинскому, которому поручить строго расследовать это дело. Доклад представить в Политбюро»⁴. На заседании Политбюро 7 декабря 1922 г. Сталиным в очередной раз был поднят вопрос об опубликовании некоторых, не подлежащих оглашению сведений. Речь в данном случае шла об информации по Госплану, по халатности и из-за отсутствия конкретных регламентирующих документов опубликованных в печати⁵.

Большевистское руководство и центральный аппарат партии особое внимание уделяли защите информации исходящей прежде всего из высших органов партии – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК. Наиболее важными считались протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Поэтому к обеспечению их секретности относились наиболее серьезно. Одним из способов, который для этого использовался, состоял в том, что Секретариат ЦК старался оставлять как можно меньше письменных источников по тому или иному вопросу повестки дня заседаний. Ленин, к примеру, был противником занесения всех обсуждаемых вопросов в протокол заседания Политбюро. В январе 1922 г. он писал: «Ввиду того, что мы здесь в Москве окружены шпионами меньшевиками и полуменьшевиками, не вносить этого (и подобных) предложений в протокол Политбюро, а записывать их отдельно... нигде, ни в бумагах, ни в шифровках, не упоминать директив Политбюро»⁶.

В целях обеспечения секретности многие заседания Политбюро, особенно в начале 1920-х гг., вообще не оформлялись в виде протокола. Распространилась даже практика устного решения вопросов. В основе своей протоколы оформлялись в короткой нераспространенной форме. В 1923 г. было принято решение, что в протоколы Политбюро записывать только

решения. Даже обычные протоколы Политбюро имели гриф «совершенно секретно». В секретных пунктах обычных протоколов с 1924 г. вместо изложения сути принятого решения стали писать ссылку: «См. особая папка». Это формулировка означала высший гриф секретности партийных документов. Секретные протоколы закрытых заседаний также откладывались в «особой папке».

Чтобы избежать разного рода интриг, Ленин был против стенографирования заседаний Политбюро. Сталин позже часто использовал их в борьбе со своими соперниками. С 1923 г. началось стенографирование докладов и заключений. Прения по вопросам стенографировались только по решению Политбюро.

По постановлению Оргбюро ЦК РКП(б) от 30 ноября 1922 г., партийное делопроизводство было отделено от советского и профсоюзного. Их рекомендовалось не вести вместе, тем самым было положено начало системе отдельного ведения партийного делопроизводства, в том числе секретного. В том же году Оргбюро ЦК приняло постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП(б)» и утвердило Инструкцию о порядке пользования выписками из протоколов и отдельных распоряжений парткомов⁷. В дополнение к принятым нормативным документам, ЦК принял меры по усилению охраны помещений бюро Секретариата⁸.

Наиболее секретными документами ЦК считались и документы с грифами высшей степени партийной секретности: «Строго секретно», «Особая папка». Нормативно-правовые документы по соблюдению секретности и работе с секретными документами партии разрабатывались совместно Секретным отделом ЦК и Специальным отделом ОГПУ (СПЕКО), а затем утверждались на Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК.

Принимались меры по усилению ответственности за соблюдение секретности. К ее нарушителям применялись строгие меры, вплоть до исключения из партии, взыскания, гарантирующие, по мнению ЦК, секретность решений и исключаяющие утечку важной информации. В отношении преступлений по секретным делам все сотрудники учреждений и организаций, ведущих секретную работу, подлежали ответственности во внесудебном порядке. ЦКК рекомендовалось вести решительную борьбу с лицами, распространяющими секретные сведения и «всякого рода политические слухи и сплетни». Специальному отделу ОГПУ поручалось наблюдать за соблюдением учреждениями и должностными лицами правил секретности документооборота, на него также возлагался общий контроль за проведением в жизнь решений Политбюро по вопросам секретности⁹.

Принимая меры против несанкционированного распространения партийных документов и информации вообще, Политбюро и Оргбюро

мально сократить количество присутствующих на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК.

Наконец, в 1927 г. ЦК принял решение об усилении режима секретности в местных партийных комитетах: необходимо было строго регламентировать деятельность партийных комитетов и секретных органов парткомов в обеспечении секретности. 21 ноября ЦК поручил Секретному отделу разработать и согласовать со Специальным отделом ОГПУ документ, определяющий порядок работы с «конспиративными» документами на местах. Эта работа продолжалась до марта 1928 г. Причем 23 марта С.В. Косиору было поручено предварительно просмотреть подготовленную инструкцию и доложить на заседании Секретариата ЦК. И в марте 1928 г. Оргбюро и Секретариатом были утверждены основополагающие для всех парткомов «Правила ведения секретного делопроизводства и обращения с конспиративными материалами в партийных комитетах»¹⁶.

Борьба с оппозиционерами всех мастей, прежде всего троцкистами, заставила сталинское Политбюро ужесточить режим секретности. На Политбюро, а затем на Пленуме ЦК и ЦКК, 23 апреля 1929 г. был рассмотрен вопрос, а затем принято постановление «О конспирации». В нем говорилось: «Установить специальные меры – вплоть до исключения из ЦК и из партии, могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК и исключаяющие возможность информирования троцкистов о делах ЦК и Политбюро». В связи с этим членам ЦК и ЦКК было предложено «безусловно выполнять» постановление о том, что «секретарями членов ЦК и ЦКК, получающими секретные документы, могут быть лишь люди проверенные и обязательно коммунисты». Членам ЦК и ЦКК было предложено обязать всех своих секретарей «строжайше соблюдать правила секретности», а Сталину поручено «произвести тщательную проверку секретарей членов ЦК и ЦКК и других товарищей, получающих секретные материалы». Постановлением от 9 мая 1929 г. Политбюро обязало Секретариат принять меры к строжайшему исполнению постановления Пленума ЦК и ЦКК «О конспирации»¹⁷. Окончательно постановление «О конспирации» было утверждено 16 мая.

Постановление подтверждало 3-х дневный срок возврата протоколов Политбюро и рекомендовало в случае невозвращения протокола в указанный срок следующего протокола не высылать. Подтверждало еще раз к неуклонному исполнению постановление Политбюро от 5 мая 1927 г. «О пользовании секретными материалами».

Во исполнение постановления «О конспирации», в целях наибольшего обеспечения секретности документооборота ЦК были проведены серьезные организационно-технические мероприятия. В частности, был лик-

видирован институт «доверенных по 2-й категории», то есть получавших секретные документы ЦК без права вскрытия. Секретариат ЦК рекомендовал всем лицам, получавшим документы через доверенных, получать и хранить секретные документы лично и возвращать их либо лично, либо через специально выделенного сотрудника Секретного отдела ЦК. Секретному отделу ЦК в свою очередь предлагалось максимально упростить порядок возврата. Доверенных с правом вскрытия, хранения и возврата документов оставили только у членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Оргбюро и Секретариата ЦК, Президиума ЦКК, выделенных для присутствия на заседаниях Политбюро и Оргбюро.

Как и весь аппарат ЦК, секретные подразделения в определенной степени были вовлечены во внутрипартийную борьбу, причем разглашение секретных сведений в дальнейшем очень часто ставилось в вину оппозиционерам, предъявлялось в виде обвинений на судебных процессах.

Так была создана система защиты партийной тайны. При сложившемся партийно-государственном устройстве страны она стала единой партийно-государственной системой. Партийная тайна в широком смысле воспринималась руководством партии и партийным аппаратом как государственная тайна. Многие секретные вопросы сначала проходили обсуждение на самом высоком партийном уровне (но было и наоборот), воплощаясь затем в совместных партийно-государственных решениях. Но, исходя из специфики партийного устройства, отличающегося от государственного, в узком смысле можно говорить о самостоятельной партийной системе защиты информации со своими секретными органами, секретными функциями, распорядительной и нормативной базой, и отдельным, начиная с 1922 г., общим и секретным делопроизводством. Во многом эти системы дублировали друг друга.

Через высшие партийные органы проходило и утверждалось все более или менее значимое, что было связано с защитой партийной и государственной тайны в масштабах всей страны. Особое внимание уделялось фактам просачивания секретной информации из партийных и советских органов, а в военное время – сообщениям из фронтов о вскрытии информации военного, внешнеполитического и дипломатического характера. В парторганах принимались организационные и технические меры по укреплению режима секретности, ужесточению контроля и ограничению количества лиц, имеющих доступ к секретной информации. Для решения данной задачи использовались силы не только партийного аппарата, но и карательных органов, на которые был возложен общий контроль за соблюдением режима секретности и защиты партийной и государственной тайны.

К началу 1930-х гг. в партийных органах сложилась и в дальнейшем функционировала устойчивая система обеспечения секретности, которая формировалась и работала совместно с государственной системой защиты информации в целом.

Но несмотря на все принимаемые меры, происходила утечка информации, в основном, путем опубликования документов и разглашения секретных сведений. Не всегда соблюдались правила и инструкции по работе с секретными документами. Такие случаи особенно часто происходили в начале 1920-х гг., когда сказывался низкий уровень образования сотрудников партийного и государственного аппарата и отсутствие общей культуры работы с документами. Все это становилось предметом самого пристального обсуждения в высших партийных органах. Как ни странно, поначалу наказания за нарушение правил секретности и разглашения секретных сведений были довольно мягкие. Только в особых случаях виновные наказывались строго.

Примечания

¹ См.: *Борман А.А.* Москва–1918 г. (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 115–149.

² *Бортневский В. Г.* Разведка и контрразведка Белого Юга (1917–1920) // Новый часовой. 1995. № 3. С. 51.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 37. Л. 1–2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143. Л. 1.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 329. Л. 8.

⁶ Цит. по: *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б)–ВКП(б): Цензура и историческая наука в 20-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 321.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 697. Л. 334.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 696. Л. 16–17.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 633. Л. 11–16.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 395. Л. 5.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 615. Л. 136об.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 540. Л. 172–174.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 539. Л. 29, 54.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 629. Л. 1.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 123.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 608. Л. 99–113.

¹⁷ Цит. по: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. М., 1995. С. 77.